Драгоманов М

Было бы болото, а черти будут

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц625
Д764

247
К.
Драгоманов
Ц11342
Библиотека ИМЭЛ
Ц625
Д764
2011
У 83

SE FAIT NAITRE L'EFFET

par *M. Dragomanov.*

БЫЛО БЫ БОЛОТО, А ЧЕРТИ БУДУТЪ!

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что назначеніе въ самодержавной Россіи соправителя императору явно означаетъ начало разложенія императорскаго самодержавія. Но такъ какъ самодержавіе это приведено на смертный одръ не дружнымъ и открытымъ нападеніемъ общества, а подкопами партіи, если не кружка, — хоть и при общемъ, но глухомъ, недовольствѣ правительствомъ, то и погребеніе разлагающагося чудища заставляетъ ждать себя долго. Мало того, страна вовсе не обезопасена отъ перспективы неоднократнаго конвульсивнаго оживленія умирающаго звѣря. Благопріятный моментъ правительственной паники, наступившей послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, когда „благоразумнымъ элементамъ" общества нужно было имѣть немножечко благоразумной смѣлости, чтобъ дружно и въ печати, и въ собраніяхъ крикнуть самодержавію: довольно! — благопріятный моментъ былъ еще одинъ разъ упущенъ, и политическое положеніе осталось въ сущности прежнее и для „крайнихъ", и для „благоразумныхъ". Только нелѣпость положенія правительства обнаружилась еще яснѣе, и оно само почувствовало необходимость, если не идти по новымъ дорогамъ, что для него невозможно, то по крайней мѣрѣ дѣлать видъ, что оно думаетъ куда-то идти. Гробъ самодержавія на кладбище не снесенъ, но сидящіе въ этомъ гробѣ занялись „повапливаніемъ" его. Въ этомъ и заключается философія словъ и дѣяній теперешняго правительства Россіи и особенно вице-императора ея, графа Лорисъ-Меликова.

I.

Какихъ дѣяній?! Собственно говоря, отвѣтить на этотъ вопросъ довольно трудно. Начиная съ рѣчи, сказанной передъ московскими дворянами, при возвращеніи съ театра войны, самъ царь нѣсколько разъ обѣщалъ что-то дѣлать для блага Россіи. Обѣщалъ что-то дѣлать и гр. Лорисъ-Меликовъ. Но ни тотъ, ни другой ничего не дѣлаютъ, по той весьма простой причинѣ, что ничего дѣлать не могутъ. Передъ ними только двѣ дороги: или производить реформы à la Pierre le

Grand, сверху вниз, или передать инициативу изъ самимъ населеніямъ страны.

Но рѣшиться на послѣднее значило бы „самимъ себя высѣчь“. Первое тоже трудно, такъ какъ въ Россіи даже императорскія реформы надо дѣлать въ демократическомъ направленіи. Самые не-политическіе вопросы: податной, аграрный (пересмотръ крестьянскихъ надѣловъ и условій колонизаціи), самое освобожденіе раскольниковъ, даже школьный вопросъ, и даже, какъ это ни странно на первый разъ, бракоразводный вопросъ, все это если не прямо мужицкіе, то мужицко-разночинскіе вопросы. Правительственныя же сферы въ Россіи еще со временъ Николая I рѣшительно подобраны столько же въ полицейско-монархическомъ, сколько и въ дворянскомъ духѣ и, конечно, съ архіерейской примазкой. Характеръ этихъ сферъ почти не перемѣнился и въ „реформаторскій“ періодъ царствованія Александра II. Послѣ же Каракозовскаго покушенія въ нихъ окончательно взяла верхъ порода, представляемая тѣмъ „глупымъ помѣщикомъ,“ который, обидѣвшись эманципаціей крестьянъ, мечталъ о томъ, какъ бы „мужика истребить,“ да вмѣстѣ съ нимъ задушить и образованнаго „разночинца,“ который пока одинъ только напоминаетъ правящимъ классамъ объ интересахъ этого мужика, впредь, пока самъ этотъ мужикъ, или поднявшись на высшую степень развитія, или же потерявши всякое терпѣніе, напомнитъ о себѣ самъ. Правда, въ послѣдніе пятьнадцать лѣтъ послѣ окончательнаго сложенія министерства этого „глупаго помѣщика,“ чисто дворянская, реакціонно-полицейская партія обойдена ходомъ жизни, который вдвинулъ добрую долю помѣщицкаго элемента въ зарождающуюся буржуазію, а съ другой стороны превратилъ значительную долю кулаковъ и кабатчиковъ въ помѣщики. Благодаря этой перемѣнѣ, не говоря уже о другихъ, болѣе симпатичныхъ послѣдствіяхъ новыхъ условій, прежняя, чисто дворянская реакціонная партія стала рѣшительнымъ анахронизмомъ, такъ что совершенно естественно, если такіе столбы ея, какъ графы П. А. Шуваловъ, Паленъ и наконецъ Дм. А. Толстой оказались не у дѣлъ. Конечно, и новый, мѣшаный, дворянско-купеческій верхній слой населенія Россіи вовсе не благопріятенъ даже императорскому демократизму, но этому новому слою вполнѣ бы отвѣчало министерство чистыхъ бюрократовъ, которые бы погладили слишкомъ уже выдающіяся шероховатости стараго крѣпостническаго и полицейскаго строя и были бы не прочь попустить извѣстную долю

политическаго вліянія этому новому верхнему слою общества. За этимъ слоемъ могли бы имѣть надежду протиснуться и представители того, довольно уже многочисленнаго, слоя болѣе обезпеченныхъ разночинцевъ, который желаетъ и болѣе широкой свободы, и мѣръ, нѣсколько болѣе благопріятныхъ для мужика, но который все еще привыкъ ожидать призыва „сверху,“ вмѣсто того, чтобъ самому, при первомъ удобномъ случаѣ, притиснуть этотъ верхъ. Общій же характеръ этого верху, т. е. придворнаго болота, остается прежній, одинаково враждебный и императорскому демократизму, и буржуазной свободѣ, и разночинскому прогрессу. А такъ какъ право почина во всѣхъ дѣлахъ Россіи все еще остается исключительно въ рукахъ этого болота, то и понятно, почему девизомъ и теперешняго правительства Россіи остается *ни туда, ни сюда*, еслибы даже гербомъ его и не могъ уже служить, какъ въ 1866 г., откровенный *ракъ*.

Это *„ни сюда, ни туда,“* которое характеризуетъ дѣятельность высшихъ учрежденій имперіи по вопросамъ соціальнымъ, олицетворяется гр. Лорисъ-Меликовымъ по вопросу политическому. Но такъ какъ этотъ вопросъ, благодаря подкопамъ съ динамитомъ, принялъ острую форму, то здѣсь оказывается необходимымъ, если не движеніе, то верченіе, сопровождаемое словоизліяніями, которыя бы маскировали стояніе на одномъ мѣстѣ.

Блестящій опытъ такого словоизліянія былъ сдѣланъ „соправителемъ“ въ его извѣстномъ воззваніи къ жителямъ столицы. Но сейчасъ же, впрочемъ, оказалось, что какъ ни наивно наше „общество,“ какъ ни деморализовано большинство его представителей въ печати, а все таки даже эта печать высказала нѣсколько довольно положительныхъ желаній, между прочимъ мысли объ окончательномъ прекращеніи административнаго произвола надъ личностію и о созваніи земскаго собора. Оказалось, что шутить съ словоизліяніями нѣсколько опасно, а потому они перенесены были за границу, значительно съужены и приняли менѣе общій и болѣе аналитическій характеръ.

И странно оказалось положеніе „Верховной коммиссіи,“ шефъ которой торжественно обѣщалъ смотрѣть на общественную поддержку, какъ на свою главную силу въ работѣ, которая должна-де привести Россію на путь мирнаго прогресса! И въ самомъ воззваніи „общество“ не видѣло никакой программы этого мирнаго прогресса, а послѣ перестало слышать хоть ка-

кое нибудь слово отъ тѣхъ людей, которыхъ оно призывалось поддерживать. Что такое дѣлаетъ и замышляетъ коммиссія? объ этомъ пришлось узнавать изъ иностранныхъ газетъ. А иностранныя газеты, — особенно нѣмецкія, — врали самымъ беззастѣнчивымъ образомъ. И, странное дѣло! сравнивая время появленія и стиль иныхъ корреспонденцій въ „Kölnische Zeitung“, „Provinzial Korrespondenz“, „Bund“ съ временемъ нѣкоторыхъ арестовъ, совершенныхъ по приказу диктатора, въ Петербургѣ и съ стилемъ извѣстій, которыя стали было появляться въ „S. Petersburger Herold,“ видишь ясно, что агенты III Отдѣленія и новаго его шефа вовсе не чужды этимъ корреспонденціямъ. По этимъ же корреспонденціямъ выходило, что гуманнѣе и либеральнѣе правителя, чѣмъ гр. Лорисъ-Меликовъ, никогда и не было. Число будто бы освобожденныхъ имъ узниковъ показывалось все больше и больше и возросло чуть не до числа 35,000 курьеровъ, которые призывали Хлестакова управлять департаментомъ. Самыя либеральныя газеты Европы умилялись и не находили словъ для порицанія „нигилистовъ,“ враговъ столь гуманнаго правителя, а нѣкоторыя дошли до того, что стали увѣрять, будто гр. Лорисъ-Меликовъ снискалъ популярность даже между „нигилистами“. Внутреннія газеты перепечатывали фантазіи петербургскихъ корреспондентовъ заграничныхъ газетъ, въ то время, какъ около нихъ продолжались попрежнему аресты и высылки даже изъ литературныхъ круговъ (напр. Стасова, Павленкова и др.).

Вышло очень уже глупо, такъ что само правительство должно было оффиціозно объявить, что до сихъ поръ никто не выпущенъ на свободу, т. е. другими словами ничего еще ровно не сдѣлано для „умиротворенія общества“ по этой части.

Какъ ничего не сдѣлано?! воскликнетъ иной читатель. А подчиненіе III Отдѣленія диктатору, а правительственное сообщеніе о собраніи свѣдѣній о сосланныхъ административнымъ порядкомъ, а наконецъ отставка гр. Дм. Толстого? Сознаемся, что намъ тѣмъ болѣе трудно будетъ опровергнуть это возраженіе, чѣмъ болѣе наши возражатели удержали въ памяти своей слова тѣхъ изъ либеральныхъ русскихъ изданій, которыя съ особою охотою употребляетъ ультра-лакейскій пріемъ оппозиціи, состоящій въ томъ, чтобъ дѣлать либеральнаго слона изъ всякой мушки, которую время отъ времени должно же пускать въ воздухъ правительство, да выражать свои оппозиціонныя пожеланія

въ формѣ восхваленія правительства, которое будто бы ихъ осуществляетъ, хотя и понемножку. Пріемъ этотъ такъ тонокъ, что сейчасъ же и рвется въ виду самаго правительства, которое, отлично понимая его, позволяетъ пускать его въ ходъ, когда ему самому нужно извлечь изъ него пользу, т. е. затуманить общественное мнѣніе и разрѣдить общественное недовольство.

Вся дѣятельность гр. Лорисъ-Меликова основана на этомъ пріемѣ (сознательно или безсознательно, — все равно) и по тому уже одному не можетъ имѣть никакого результата, кромѣ сохраненія стараго болота за временными миражами новыхъ живыхъ водъ. Мы постараемся сейчасъ же это доказать болѣе частнымъ разборомъ тѣхъ мѣръ, которыя до сихъ поръ возвѣщены или сдѣланы нашими „умиротворителями общества“.

II.

Начнемъ съ мѣръ относительно учащейся молодежи.

Когда-то Добролюбовъ открылъ способъ возстановлять правдивую исторію Россіи даже по Устрялову: стоитъ только читать исторію всякаго царствованія не въ главѣ о немъ самомъ, а въ слѣдующей, въ которой восхваляется новый государь за исправленіе безпорядковъ, за устраненіе которыхъ уже былъ восхваленъ въ предидущей главѣ его предшественникъ. Такъ и теперь, на основаніи того, что говорится даже умѣренными газетами послѣ правительственнаго сообщенія о ссыльныхъ студентахъ и послѣ отставки гр. Толстого, можно себѣ представить ужасное положеніе молодежи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Въ послѣднее время дошло до того, что родители, прощаясь съ сыномъ, отправляющимся въ университетъ, должны прощаться съ нимъ, какъ будто онъ ѣдетъ въ военный походъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не въ своемъ родѣ Шипка—кіевская высылка 140 студентовъ или харьковское побіеніе студентовъ казаками? Правила же, изданныя для студентовъ въ прошломъ году, по которымъ вся жизнь ихъ въ университетѣ и на квартирахъ поставлена подъ микроскопъ двойной явной полиціи, инспекторской и квартальной, не считая полиціи тайной,— правила, по которымъ даже право студента давать уроки поставлено въ зависимость отъ произвола околодочнаго, на котораго нѣтъ ни суда, ни аппеляціи, заключаютъ въ себѣ сотню поводовъ для партизанской и общей войны студентовъ съ начальствомъ. Война же эта можетъ оканчиваться чуть не ежедневно прогулками въ

страны Макаровы, въ одиночку и массами. Общество, въ которомъ тысячи, десятки тысячъ семействъ живутъ въ постоянномъ ожиданіи подобныхъ перспективъ, спокойно жить не можетъ.

Что же придумано для его успокоенія? Обѣщаніе пересмотрѣть дѣла о сосланныхъ административнымъ порядкомъ, особенно объ учившейся молодежи, и возвратить „раскаявшихся и благонадежныхъ“ въ ихъ домы и школы. Разсматривать эти дѣла будутъ губернаторы дальнихъ губерній, потомъ Верховная коммиссія и министръ Внутреннихъ дѣлъ, то есть выходитъ: „Улита ѣдетъ, когда еще будетъ,“ а кромѣ того, кому еще привезетъ она амнистію, особенно принимая во вниманіе, что первые источники росы помилованія лежатъ въ становыхъ квартирахъ и полицейскихъ управахъ отдаленныхъ губерній, т. е. въ логовищахъ Живоглотовъ и Фейеровъ! А главное: допустимъ, что всѣ сосланные административно студенты возвратятся въ школы; а дальше что?! Дальше, новые поѣдутъ на ихъ мѣсто или же, при новыхъ столкновеніяхъ, старые будутъ наказаны сильнѣе, какъ рецидивисты, согласно напр. условіямъ амнистіи, предоставленной извѣстной категоріи раскаявшихся студентовъ кіевской исторіи 1878 г. Вѣдь о томъ, что измѣняются самыя условія жизни, которыя порождаютъ „студентскія исторіи,“ даже не сдѣлано было никакого „правительственнаго сообщенія“.

Объ этихъ условіяхъ мы говорили подробно въ IV т. нашего изданія „Громада“ (стр. 273—309) сейчасъ послѣ того, какъ по всѣмъ почти большимъ городамъ Россіи отбылись „студентскія исторіи“ 1878—1879, которыя наполнили дальній Сѣверъ и Востокъ ссыльною молодежью. Къ этому тому „Громады“ мы и отсылаемъ тѣхъ изъ читателей, которые бы поинтересовались узнать наше мнѣніе, одинаково отличное отъ тѣхъ, какія высказывались на этотъ счетъ въ русской печати, легальной и революціонной.*) Въ настоящее время мы считаемъ необходимымъ сказать немного и припаровительно къ текущимъ обстоятельствамъ.

Причинъ, столь печальныхъ по своимъ результатамъ, „студентскихъ волненій“ двѣ: 1) перенесеніе въ школы

*) Сущность отличій нашего мнѣнія отъ тѣхъ, которыя были высказываемы въ русской революціонной печати, состоитъ въ томъ, что, по нашему мнѣнію, преждевременное участіе молодежи въ *практическомъ* революціонномъ движеніи невыгодно прежде всего для самаго этого движенія, особенно для соціалистическаго. Соціализмъ имѣетъ цѣлью освобожденіе и организацію *труда*, а потому и требуетъ для себя готовыхъ и зрѣлыхъ работниковъ ремесленнаго и научнаго труда.

борьбы политической, — перенесеніе, въ которомъ наше правительство виновато гораздо болѣе, чѣмъ революціонные кружки; 2) отсутствіе такъ называемой *академической свободы*. Обѣ причины тѣсно связаны между собой по своей сущности, а особенно тѣсно связываются онѣ въ Россіи. Во всякой самой незначительной школьной исторіи русское правительство видитъ бунтъ противъ власти, и даже вообще напередъ видитъ врага въ каждомъ студентѣ, да не только въ студентѣ, а даже въ гимназистѣ: намъ извѣстны факты исключенія учениковъ изъ IV-го класса гимназіи изъ за политическихъ причинъ; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ напечатаннаго кіевскимъ университетомъ сборника министерскихъ распоряженій по университетскимъ дѣламъ обнаружилось, что въ Россіи существуетъ каста парій, по политическимъ соображеніямъ лишенныхъ, нѣкоторымъ образомъ наслѣдственно, права поступленія въ университеты: саратовскіе семинаристы и ставропольскіе гимназисты!

Впрочемъ, каждый читатель можетъ самъ припомнить столько фактовъ политической борьбы русскаго правительства со школами и школьниками, что мы можемъ прекратить рѣчь объ этомъ предметѣ и перейти къ слѣдующему: къ вопросу объ академической свободѣ.

Хотя объ этомъ вопросѣ въ русской печати и больше говорилось, чѣмъ о предыдущемъ, но нельзя сказать, чтобъ этотъ вопросъ былъ ясенъ русской публикѣ во всей его полнотѣ. Печать легальная, въ которой этотъ вопросъ обсуждался почти исключительно профессорами, говорила,—и по временамъ довольно пространно—только объ одной его сторонѣ, о томъ, что она называла *автономіей университетовъ* и что собственно слѣдовало бы назвать *автономіей профессорскихъ сенатовъ*. Печать же революціонная, вспоминая о школахъ только по поводу студентскихъ волненій, говорила только о такъ называемыхъ студентскихъ правахъ и тоже весьма неполно (кассы, сходки) и въ то же время смѣшивая эти права съ политическими правами гражданъ страны и чуть ли даже не членовъ парламентовъ. Между тѣмъ понятіе объ академическихъ правахъ съ одной стороны нѣсколько уже, но съ другой стороны гораздо полнѣе, чѣмъ представляютъ его наши студенты, которые напр. никогда не требовали отъ правительства главнѣйшей изъ академическихъ свободъ,—свободы преподаванія; вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе это обнимаетъ всѣ элементы академическаго общества: и профессоровъ, и доцентовъ, и студентовъ, а вовсе не однихъ членовъ

университетскихъ совѣтовъ, какъ думаютъ наши профессора.

Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи.*) Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ *самоуправленіи*, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которые, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ-наука требуетъ, для успѣшности своего производства, *свободы мысли*, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профессора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, и такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоровъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успѣшности своего процесса, тоже свободнаго обмѣна мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта *свобода слова должна существовать для каѳедры, для научныхъ собраній профессоровъ, для такихъ же собраній профессоровъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати.* Наконецъ постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами, цѣлый рядъ личныхъ связей, которыя тоже естественно влекутъ ихъ къ *совмѣстному удовлетворенію чисто личныхъ потребностей:* взаимнаго препровожденія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто *товарищескихъ учрежденіяхъ*,

*) Изъ расчета, сдѣланнаго въ кіевскомъ университетѣ, видно, что средній возрастъ студента въ Россіи далеко не дѣтскій: 23 года.

каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы.

Таковы *три естественныхъ круга академическихъ свободъ*, которые мы дѣйствительно видимъ болѣе или менѣе признанными въ жизни западно-европейскихъ высшихъ школъ отъ самыхъ среднихъ вѣковъ и которые тамъ не были отрицаемы въ основѣ своей и въ самыя мрачныя минуты деспотизма духовнаго и свѣтскаго. Если мы возьмемъ напр. современную Германію и Австрію, по примѣру высшихъ школъ которыхъ думали моделировать университеты въ Россіи, то мы увидимъ, что, не смотря ни на какія колебанія въ сферѣ практической политики, все таки тамъ профессора преподаютъ, какъ имъ повелѣваетъ научная совѣсть, наприм. натуралистъ Геккель держится тѣхъ идей, которыя изложены въ его книгѣ „Натуральная исторія сотворенія міра“ (Natürliche Schöpfungsgeschichte), которая была запрещена цензурой въ Россіи, профессоры даже богословскихъ факультетовъ открыто признаютъ небожественность Христа, пр. Ланге печатаетъ „Исторію матеріализма“ и „Рабочій вопросъ“ (котораго русскій переводъ задержала цензура), профессоръ-министръ Шеффле—„Сущность Соціализма“ и т. д., и т. д. Студенты высшихъ школъ составляютъ между собою ученыя и литературныя общества, общеакадемическія и земляцкія и національныя, на собраніяхъ которыхъ читаются рефераты о всякихъ вопросахъ наукъ, какъ естественныхъ, такъ и гуманно-общественныхъ, — до соціализма включительно. Мы не говоримъ уже о чисто-товарищескихъ учрежденіяхъ и сборищахъ, въ которыхъ зачастую, а въ клубахъ (музеяхъ) маленькихъ городовъ и въ академическихъ читальняхъ большихъ городовъ всегда, встрѣчаете членами и профессоровъ, и студентовъ. Вотъ почему въ Западной Европѣ нѣтъ нашихъ „университетскихъ исторій,“ а если и бываютъ маленькія, незначительныя столкновенія, то они улаживаются чисто домашнимъ образомъ и не получаютъ характера политическихъ бунтовъ.

Сравните съ описанной жизнью любого нѣмецкаго или даже французскаго университета, даже при Бисмаркѣ и Наполеонѣ III, жизнь нашихъ высшихъ школъ и вы поймете, почему это въ Россіи „университетскія исторіи“ не сходятъ со сцены десятки лѣтъ. Переведите на любой европейскій языкъ отрывокъ изъ недавняго процесса ярославскихъ студентовъ передъ московскимъ военнымъ судомъ,— отрывокъ, въ которомъ студенту Страхову ставится въ вину чтеніе реферата о

книгѣ Маркса, а профессоръ Владимірскій Будановъ допрашивается о томъ, говорилъ ли онъ ярославскимъ студентамъ, что въ кіевскомъ университетѣ студенты, по указанію профессора, реферируютъ о Марксѣ (можетъ быть и въ полемическомъ духѣ), и отвѣчаетъ столь мало достойнымъ профессора образомъ, что, молъ, въ кіевскомъ университетѣ рефератовъ нѣтъ (!?!), а что самъ онъ преподаетъ не политическую экономію, а исторію русскаго права, а потому-де о Марксѣ студентамъ и говорить не могъ! Консервативнѣйшій нѣмецъ подумаетъ, что и прокуроръ, и профессоръ съ ума сошли, одинъ обвиняя, а другой оправдываясь такимъ образомъ. Тому же, что въ Россіи, собственно говоря, запрещено склоненіе слова „студентъ“ во множественномъ числѣ, а желаніе студентовъ имѣть свои кассы и читальни признается революціей, ни одинъ европеецъ, знающій свою университетскую жизнь, не хочетъ вѣрить, и глядя на борьбу правительства Россіи со студентами, думаетъ, что послѣдніе требуютъ чего нибудь въ родѣ признанія права безпрепятственно подкладывать динамитъ подъ императорскіе дворцы. (Соображеніе, которое, надо замѣтить, очень часто поддерживаютъ петербургско-остзейскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ.) Правилъ же, недавно изданныхъ для студентовъ въ Россіи, навѣрно, ни одинъ европеецъ и не понялъ въ ихъ деталяхъ, такъ какъ они переносятъ въ міръ столь же для него чужой, какъ міръ полинезійскихъ сословныхъ церемоній.

Теперь само правительство, повидимому, сообразило, что оно хватило черезъ край въ войнѣ своей со студентами, и сочло нужнымъ хоть посулить обществу что то въ родѣ студентской амнистіи, а гр. Лорисъ-Меликовъ считаетъ необходимымъ аффишировать свою любовь къ молодежи, внося за нее плату за право слушанія лекцій. Находятся наивные люди, которые радуются и тому, и другому. Но не всѣ же наивны. Найдутся и въ Россіи, и прежде всего, конечно, среди самихъ студентовъ, люди, которые спросятъ: а дальше что?

Иностранныя газеты, извѣщая объ отставкѣ гр. Толстого, пустили слухъ и о томъ, что составленныя имъ правила для студентовъ будутъ отмѣнены, а также оставлены будутъ безъ исполненія планы реформы университетскаго устава 1863 г. Но всѣ подобныя отмѣны не измѣняютъ сущности „университетскаго вопроса“ въ Россіи. Вопросъ этотъ вовсе не рѣшенъ въ европейскомъ смыслѣ уставомъ 1863 г., который далъ только извѣстныя, чисто бюрократическія права профессорской аристократіи, и вовсе не даетъ свободы ни преподаванія, ни ученой печати и обществъ, а студентскаго общества вовсе не признаетъ. Даже прошлогднія правила, при всей своей дикости, вовсе не противны духу этого устава и только нагло и мелочно формулируютъ сущность нормальныхъ отношеній русскаго правительства къ студентамъ. О томъ, что университетскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ новыми Харитоненско-Лорисовскими и Поляковско-Александровскими бурсами для студентовъ, — смѣшно и говорить послѣ разговоровъ о европейскихъ порядкахъ. „Университетскій вопросъ“ въ Россіи можетъ быть рѣшенъ окончательно, и семейства наши могутъ быть заспокоены за участь своихъ сыновей-студентовъ только послѣ *признанія* и *за нашими высшими школами всѣхъ трехъ круговъ европейской академической свободы.*

Спрашивается, возможно ли это признаніе въ Россіи въ настоящее время, при настоящемъ политическомъ ея строѣ, то есть при самодержавіи? Очевидно, нѣтъ. Правда, въ Пруссіи Фридриха Великаго, былъ изданъ законъ, который признавалъ самое существенное изъ всѣхъ академическихъ правъ: „наука и преподаваніе свободны“. Но вышеупомянутый самодержецъ Пруссіи былъ все таки „король-философъ“ и другъ Вольтера, а главное, въ Европѣ, гдѣ университеты возникли раньше „полицейскаго государства,“ нравы слишкомъ привыкли къ извѣстной ихъ свободѣ. Да и въ Германіи, когда послѣ 1815 г. началась борьба общества съ „полицейскимъ государствомъ,“ въ родѣ той, какая теперь ведется въ Россіи, полиція стала стѣснять высшія школы, при чемъ поводомъ къ стѣсненіямъ было то, что члены „академическихъ обществъ,“ люди наиболѣе образованные, а кромѣ того, въ массѣ своей молодежь, оказывались самыми чувствительными къ общественному недовольству устарѣлой политической системой. Послѣ того, какъ студентъ Зандъ, въ 1819 г., убилъ Коцебу, которому, конечно, было далеко до Трепова, или Мезенцова, Меттернихъ настоялъ на принятіи мѣръ противъ академическихъ корпорацій. Нужно, впрочемъ, сказать, что нѣмецкія академическія общества въ эпоху реакціи между 1815 и 1848 гг. вели дѣйствительную политическую борьбу съ правительствами, гораздо болѣе явную, чѣмъ наши студенты: такъ еще передъ убійствомъ Коцебу, въ 1817 году „Всеобщій нѣмецкій студентскій союзъ“ (Allgemeine Deutsche Burschenschaft) сдѣлалъ открытую политическую манифестацію въ Вартбургѣ, въ которой приняли участіе и нѣсколько про-

фессоровъ. Профессоры Ротекъ, Вельке и др. принимали явное участіе въ противуправительственной литературѣ, профессоры Гервинусъ, два Грима, Дальманъ и др. подписали протестъ противъ беззаконія ганноверскаго короля. До всего этого далеко нашимъ студентамъ и нашимъ профессорамъ. И тѣмъ не менѣе Меттерниховы мѣры, крайне либеральныя, по сравненію съ русскими законами и правилами, вызвали открытое порицаніе и ученыхъ, въ родѣ Нибура, Дальмана, Фельке, и даже многихъ государственныхъ людей, изъ которыхъ прусскій министръ Штейнъ жаловался императору Александру, что мѣры Меттерниха „отнимаютъ у учителей и учениковъ свободу, которая необходима имъ для развитія характера и изслѣдованія истины“. Само собою разумѣется, что стѣсненія не только не устранили недовольства противъ полицейскаго государства, а усилили его, и въ студентской средѣ создались уже чисто политическія конспираціи (секціи — Junglisbund'a), которыя держали тайные конгрессы и принимали дѣятельное участіе въ революціонныхъ попыткахъ, завершившихся вѣнскою революціею 1848 г., въ которой „студентскій легіонъ“ игралъ столь видную роль.

Только когда 1848 годъ подкосилъ въ корнѣ полицейское государство и заставилъ признать вмѣстѣ съ принципомъ общей политической свободы и свободу академическую, прекратилась въ Германіи студентская, и вообще академическая политика, и студенты стали только студентами, которые смотрятъ на университеты, какъ на школы, по окончаніи курса въ которыхъ они дѣятельно пристаютъ къ такой политической партіи, какая ближе имъ по ихъ убѣжденіямъ и интересамъ.

Очевидно, что мы только вступаемъ въ періодъ политической борьбы, какой пережила Германія въ 1815 — 1848 гг., а потому намъ далеко еще не пора успокоиваться за участь нашихъ не только студентовъ, но даже и профессоровъ, если только послѣдніе пожелаютъ оказаться хоть сколько нибудь достойными своихъ европейскихъ товарищей.

Положеніе дѣлъ, значитъ, совершенно ясно: *безъ академической свободы нѣтъ спокойствія въ высшихъ школахъ, а академическая свобода* даже и въ Германіи оказалась *не совмѣстима съ государствомъ самодержавнымъ.* А потому семейства, которыя порадуются пріѣзду Лорисъ-Меликовской Улиты, студентской амнистіи, и отъѣзду гр. Толстого изъ министерства, могутъ умѣрить свою радость и свои надежды: болото самодержавія осталось тоже, а слѣдовательно и черти его, жандармы III Отдѣленія не замедлятъ вновь приняться за перенесеніе высшихъ учебныхъ заведеній въ Тотьмы, Березовы, Енисейски, и тому подобныя „мѣста, не столь отдаленныя“!

III.

Быть можетъ, кто нибудь замѣтитъ намъ, что нечего бояться новыхъ вмѣшательствъ жандармовъ III Отдѣленія въ жизнь нашихъ высшихъ школъ, тѣмъ болѣе что самое это III Отдѣленіе, если уже не преобразовано, то будетъ преобразовано гр. Лорисъ-Меликовымъ въ нѣчто въ родѣ „Департамента Утѣхъ“.

Скучно въ сотый разъ говорить одно и тоже, да нечего дѣлать! Будемъ говорить и о III Отдѣленіи. Вся политическая исторія Европы, вся исторія самаго этого III Отдѣленія въ Россіи доказываетъ, что подобныя учрежденія со всѣми ихъ произвольными дѣйствіями: господствомъ шпіоновъ, заключеніемъ въ Бастилію безъ суда, административною ссылкою, ночными обысками и т. п. успокоительными сюрпризами, суть непремѣнные спутники самодержавнаго правительства. Крайне характерно, что обязательность доносовъ была одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ московскимъ самодержцемъ Иваномъ III, лишь только онъ навязалъ свое „государство“ новгородскому народоправству. Это было Благовѣщеніемъ появленія нынѣ благополучно царствующаго III Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, какъ Рождествомъ его было учрежденіе Опричнины первымъ царемъ московскимъ Иваномъ Грознымъ. Дѣянія этой Опричнины, а потомъ разнаго рода застѣнковъ и Тайныхъ приказовъ, Тайныхъ розыскныхъ канцелярій въ періодъ окончательнаго сложенія монархіи московской и петербургской въ XVII и XVIII в., достаточно извѣстны даже изъ учебниковъ. Но вотъ наступило время, когда и на верху трона почуствовалась неловкость при видѣ очень ужъ откровенныхъ злодѣйствъ тайныхъ канцелярій. Съ тѣхъ поръ наступилъ лицемѣрный періодъ III Отдѣленія: его отмѣняютъ, прячутъ, преобразовуютъ, и все таки оно возрождается и злодѣйствуетъ по прежнему.

Вотъ въ какихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ отмѣнялъ современное ему III Отдѣленіе императоръ Петръ III: „Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ не было, побудило вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства

и неисправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ. Но какъ тайная канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями протягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами поносить своихъ начальниковъ и непріятелей. Вышеупомянутая Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ архивъ положатся." (Соловьевъ. XXV. 16.)

Екатерина II сочла нужнымъ еще разъ отмѣнить Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію, почти въ такихъ же выраженіяхъ, но къ концу ея царствованія канцелярія эта возраждается въ видѣ „Экспедиціи" (о которой мы имѣли случай говорить въ „Листкѣ Громады," № 1), а Павелъ I прямо и при помощи подобныхъ учрежденій, видимо, думалъ всю Россію экспедировать въ Сибирь. Послѣ его собственнаго переселенія въ административномъ порядкѣ въ Елисейскія поля, Александръ I манифестомъ 1801 г. еще разъ „навсегда" отмѣнилъ Тайную канцелярію, при чемъ заявилъ, что *„никакія личныя правила, по самому существу своему перемѣнѣ подлежащіе, не могутъ положить надежнаго оплота злоупотребленію"* (такими учрежденіями, какъ тайныя канцеляріи), а „потребна для того сила закона," и что онъ самъ, „сливая пользы свои съ пользами своихъ вѣрноподданныхъ, поручаетъ единственно дѣйствію закона охраненіе имени своего и государственной цѣлости..."

Тѣмъ не менѣе къ концу правленія Александра I Опричнина возродилась въ видѣ Аракчеева, а Тайная экспедиція въ видѣ особаго бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, изъ котораго Николай I сотворилъ настоящее III Отдѣленіе, которое при Александрѣ Освободителѣ и развилось „столь прекрасно и великолѣпно, какъ мы нынѣ это видимъ," т. е. такъ какъ врядъ ли снилось и самому Павлу I.

Эта „Natürliche Schöpfungsgeschichte" III Отдѣленія должна бы послужить достаточнымъ охлажденіемъ для тѣхъ пылкихъ душъ, которыя умиляются реформами, введенными въ этой Инквизиціи гр. Лорисъ-Меликовымъ и ждутъ огражденія личной неприкосновенности отъ предстоящаго будто бы совершеннаго ея упраздненія. Но такъ какъ подобныя пылкія души еще существуютъ и даже подаютъ голосъ въ печати, то и мы должны напомнить еще хоть два факта:

Первый. Когда послѣ вышеупомянутаго либеральнаго манифеста Александра I, въ кругу друзей его, который самъ императоръ звалъ „Comité du Salut public", поднятъ былъ вопросъ о судебной реформѣ, при чемъ естественно зашла рѣчь и объ огражденіи неприкосновенности личности безъ суда (что въ Англіи ограждено такъ называемымъ Habeas-Corpus-act), то, по словамъ дневника этого комитета, „Новосильцевъ замѣтилъ, что прежде учрежденія такого права слѣдуетъ хорошенько подумать, не будетъ ли правительство вынуждено иногда нарушять Habeas Corpus; а въ такомъ случаѣ лучше и не принимать его. Его Величество сказалъ, что именно это самое замѣчаніе онъ уже сдѣлалъ графу Воронцову"...*) Остальное извѣстно!

Второй. За судебную реформу на европейскій ладъ принялись наконецъ при Александрѣ II. Дошло дѣло и до Habeas Corpus, въ самомъ деликатномъ его пунктѣ, въ вопросѣ о слѣдствіи по дѣламъ политическаго характера. Въ 1863 г. комиссія, составлявшая проэктъ судебной реформы, даже напечатала „Основныя Положенія о судебномъ преобразованіи" и въ нихъ между прочимъ прописала, что „предварительное слѣдствіе по преступленіямъ государственнымъ производится однимъ изъ членовъ судебной палаты, при личномъ присутствіи ея прокурора." Слова эти возбудили самыя пылкія ожиданія въ либеральной печати тогдашняго времени: „Кто станетъ оспаривать, говорили „С.-Петербургскія Вѣдомости" (1863, № 1), что этотъ параграфъ обѣщаетъ болѣе полное и дѣйствительное уничтоженіе тайныхъ судилищъ и содержитъ въ себѣ болѣе существенныя гарантіи, чѣмъ краснорѣчивый манифестъ 1801 г.? Если общество наше, памятуя всю непрочность громкихъ фразъ, обратитъ должное вниманіе на этотъ параграфъ и при введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій станетъ крѣпко за каждую букву этой коротенькой и простой фразы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что *громкое учрежденіе* (какъ тонко! это III Отдѣленіе!) падетъ само собою, тихонько, незамѣтно, но тѣмъ не менѣе рѣшительно и безвозвратно, такъ что не только прежнія его дѣйствія, но и самый способъ этихъ дѣйствій преданъ будетъ вѣчному забвенію. Останется тайная полиція, тайное наблюденіе (всякое полицейское наблюденіе въ сущности совершается тайно), но *тайное слѣдствіе* и *тайный судъ*, благодаря означенному скромному параграфу, сдѣлаются рѣшительно невозможными."

Приведя эти слова „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей",

*) „Вѣст. Европы". 1866. I. 173—194. Ср. „Громада" II. 439—440.

„Отечественныя Записки“ того времени (1863, № 1) прибавляютъ и отъ себя розовыя надежды и даже рѣшаются на нѣкоторую иронію надъ будто бы предназначеннымъ къ потопленію болваномъ третьеотдѣленскаго Перуна и разсказываютъ о немъ забавные анекдоты, вовсе, впрочемъ, не забавные для тѣхъ, кого они касались. Точь въ точь какъ теперь! Но болвана, какъ извѣстно, даже не потащили къ Днѣпру, а если бы таковое съ нимъ и случилось, по примѣру 1762 и 1801 гг., то монархія не замедлила бы выкликнуть: *„выдыбай, нашъ Боже! выдыбай!“* Вся реформа состояла бы въ томъ, что мѣсто „зданія у Цѣпнаго моста“ заняло бы какое нибудь другое,— у Египетскаго, что ли,—независимо отъ дѣйствія основнаго закона россійской имперіи, выраженнаго въ куплетѣ: „и къ чему тутъ зданіе у Цѣпнаго моста? выйдетъ приказаніе, отдерутъ и просто!“

Нѣтъ, такія „громкія учрежденія“, какъ Инквизиціи, Бастиліи, III Отдѣленія, нигдѣ не падали ни тихонько и незамѣтно вслѣдствіе канцелярскихъ проэктовъ, ни отъ краснорѣчивыхъ манифестовъ, провозглашаемыхъ съ трона, ни тѣмъ паче отъ туманныхъ прокламацій à la Лорисъ-Меликовъ. Въ такихъ государствахъ, какъ Россійская Деспотія, не только неприкосновенность гражданина, или же нормальный судъ для лицъ, заподозрѣнныхъ въ политическомъ преступленіи, но даже такія скромныя права, какъ право студентовъ имѣть свои вспомогательныя кассы, могутъ быть добыты только послѣ паденія самодержавной монархіи, а это паденіе нигдѣ безъ грому не обходилось.

Когда и какъ совершится это паденіе въ Россіи, мы не беремся предсказывать, но мы твердо увѣрены, что пока будетъ существовать самодержавное болото, никакое рѣшительное движеніе Россіи впередъ невозможно и всѣ черти, какіе теперь такъ безпокоятъ общество въ Россіи, будутъ дѣйствовать по прежнему.

Впрочемъ, если уже говорить до конца, такъ черти III Отдѣленія съ ихъ шутками административнаго порядка не переведутся окончательно и въ монархіи конституціонной; доказательства: исключительный законъ противъ соціалистовъ въ Германіи, періодическая отмѣна Habeas Corpus въ Ирландіи и т. п. Но только эти черти западно-европейскихъ „исключительныхъ положеній“ все таки чертики въ сравненіи съ духами Джеффрайзовъ и Бастилій „стараго порядка“ и просто ангелы передъ тѣми, которые нормально самовольствуютъ въ Россіи.

М. Драгомановъ.

Женева. 15 мая, 1880. (Изъ *Общаго Дѣла*, № 35.)

BIBLIOTHECA GENEVE
Библиотека ИМЭЛ
11342